

П Р И Я Т Е Л Ъ Д Ѣ Т Е М

Выходить
въ Коломыи
разъ въ мѣсяцъ.

Предплата
на цѣлый рѢкъ
1 здр. 50 кр.

КОЛОМЯ.

Оставьте дѣтей приходити ко мнѣ, и не крадите имъ:
Таковыхъ во бѣсѣ цркви Бжїе. (ЛѢк. гл. ѡч. зач. 4.)

Червень 1881.

ВЕЛИКІЙ ЕСИ БОЖЕ!

Великій еси Боже!
Вѣщаетъ мнѣ заранѣ:
Якъ небо на востоцѣ
Зорею загорить,
Якъ солнце золотое
На божїй свѣтъ спогляне,
А пташка зъ сну збудившись
Пѣснь ранну зазвенить; —
Тогда я величаю
Въ маломъ и во великомъ
Безмѣрну — вѣчну мудрѣсть
Небесного Владики!

Великій еси Боже!
То виджу, коли солнце
Западе по-за горы, —
Якъ изъ-за серебряныхъ хмаръ
Погляне мѣсяцъ и мирно
Засвѣтитъ въ оконце;

Якъ тужный звукъ сопѣлки
Розліе ся на ярь; —
Тогда въ звѣздахъ небесныхъ
Славлю я нескѣнченну
Твою, Владико, славу,
Що влялъ-есь въ всю вселенну!

Великій еси Боже!
Кто свѣты нечислими
Обняти умомъ зможе —
Кто гляне въ ту отхлань?
А ты мануль-есь перстомъ!
И люнули въ подноже
Престола твоего свѣты
Якъ рвучій океанъ....
Великій еси Боже,
Держителю вселенной,
Во всемъ Ты мудрый, славный,
Незмѣрный — нескѣнченный!

С. I. Метелл.

ВЕЧЕРЫ ПОДЪ ЛИПОЮ.

Росказы про руску бувальщину, оповѣвъ для молодежи Сидоръ зъ Покутя.

(Д а л ь ш е.)

Ярославъ I. бувъ то князь побожный и добрый, якихъ мало, — и не дармо назвали его Великимъ и Мудрымъ. Укрѣпивъ бо онъ батькомъ роспочате дѣло, т. е. дбавъ о удержанье вѣры христовой; будовавъ церкви, позаводивъ школы, поуукрашавъ мѣста и новіи творивъ села. А щобы въ краю бувъ порядокъ христіяньскій, збравъ и списавъ въ одну книгу все рускїи права, що „Правдою рускою“ зове ся. И було за Ярослава добре и мирно. Край бувъ великій, а князь его мудрый. Длѣтого все его сусѣды старали ся съ нимъ въ спокую жити и его прїятелями бути. Король польскій, Казимиръ, оженивъ ся съ его сестрою, Ярослава найстаршій сынъ Володимиръ зновъ съ польскою королевною, а молодшій Всеволодъ съ греческою королевною; донька була за мужемъ за королемъ норвегскимъ, друга за французскимъ, а трета за угорскимъ.

Кромъ Володимира и Всеволода були у Ярослава еще сыны: Изяславъ, Святославъ, Вячеславъ и Игорь. Найстаршій Володимиръ умеръ еще за житя отца, а межи остальныхъ пять роздѣливъ отецъ свѣи край. Такъ бо зробили его предки, отецъ и дѣдъ, такъ и внукъ робивъ. Умераючи, такъ говоривъ до сынѣвъ: „Кіевъ и Новгородъ даю тобѣ, найстаршій сыну Изяславе, а вы другїи молодшїи почитайте его яко мене, а Богъ буде съ вами.“

Черезъ таке устройство загадавъ бувъ Ярославъ утримати землю руску въ цѣлости. Такъ однакожь не стало ся. Родина Рюриковичѣвъ розможила ся дуже и больше якъ 70 князѣвъ осѣло на русской земли, и ани одинъ не слухавъ волѣ Ярослава, бо кождый хотѣвъ бути паномъ. Настала отже долга вѣйна межи князями великими и удѣльными, будь-то о престолъ Кіевскій, будь-то о независимость своего княжества.

Великими князями въ тѣмъ часѣ були: Изяславъ, сынъ Ярослава, — Всеволодъ, братъ Изяслава, — Святополкъ, вучный братъ, (за Святополка живъ въ Кіевѣ лѣтѣми-

сець Несторъ, о которѣмъ мы перше згадали), Володимиръ Мономахъ, сынъ Всеволода.

Зъ помежи великихъ князѣвъ, якїи и побзїише владѣли, бувъ князь Володимиръ Мономахъ однимъ зъ найславнїишихъ. Мономахомъ назвала его мати по имени своего отца, греческого царя Константина Мономаха. Онъ ставъ великимъ княземъ, маючи уже 60 лѣтъ вѣку, а греческїи царь Алексїи Мономахъ приелавъ ему въ даръ корону Монахову, золотый ланцухъ, золоте державне яблоко, берло и иншїи царскїи одежи, въ которїи и тепершїи царѣ Россїи убераютъ ся всегда въ часѣ коронаціи.

Володимиръ Мономахъ зъумѣвъ привести згоду межи рускими князями, которїи его любили и почитали, и була на Руси знова згода и любовь якъ за Володимира Великого и Ярослава Мудрого, а даже наибольшїи вороги Руси усмирились передъ нимъ, а неспокойныхъ примушавъ мечемъ до супокою. Въ протягу своего тринацѣлѣтнего княженя сдѣлавъ ажъ 83 большихъ военныхъ походѣвъ, а меншихъ еще больше. За Мономаха упокоювъ ся такожъ Несторъ, а Володимиръ самъ описавъ свое владѣніе въ сочиненїи „Духовне поученье своимъ дѣтямъ,“ где ѣзываетъ онъ до своихъ дѣтей межи иншимъ и такъ: „Дѣти мои! не забудьте о бѣдныхъ, кормѣтъ ихъ, и памятайте, що всяке достоянье есть Боже и поручено намъ только на якїи-сь часѣ. Будьте отцями сирѣтъ. Не оставляйте слабыхъ; не страшѣтъ ся видѣти мертвыхъ, бо все мы умремъ. Не уживайте на пусте имени Божого. Въ господарствѣ пильно за всемъ смотрѣтъ, не спускаючися на слугъ. Привитайте всякого человека, коли мимо васъ иде. Человекъ повиненъ всегда заниматься дѣломъ: въ дорожѣ, на кони (т. е. въ вѣйнѣ), дома; не умѣючи дѣла, мѣсто пустыхъ мыслей, говорѣтъ на память молитвы, або повторяйте хотяй саму коротку а прекрасну: Господи помилуй! Не засипляйте николи безъ земного поклона, и нехай не застане васъ солнце на ло-

жи. Идѣть рано въ церковь воздати Богу хвалу ранву. Охорона Божя надежнѣйша надъ чело- вѣческу. Старого челоуѣка почитайте яко отца, а молодого якъ брата. Строго сохраняйте законъ и присягу. Гостей и послѣвъ почитайте, бо они роеспускають въ чужихъ земляхъ и добру и злу славу.“

По его смерти ставъ великимъ княземъ сынъ его найстаршій, Мстиславъ, такожь князь умный и хоробрый. Потѣмъ були еще великими князьями: Ярополкъ, братъ, — Вячеславъ, братъ попередного, — Всеволодъ Ольговичъ, кривнякъ, — Игоръ Ольговичъ, братъ, Юрій Довгорукий, наймолодшій сынъ Мономаха, и инші. Въ часѣ Юрія ослабило ся уже княжество кѣевске такъ, що нові повставали и не турбовали ся уже за князя великого. Край рускій на вѣки вѣчній роздѣливъ ся.

Дѣяло ся то въ XII. столѣтію, власне тогды, коли Русь дуже перелюднила ся, ба и князьями своими по части незадоволена була.

Юрій, котрый бувъ княземъ Звездальскимъ, и котрый за свое лакометво посѣдана чужихъ княжествъ, Долгорукомъ прозванъ бувъ, загадавъ зъ свого малого краю велику державу утворити. Се му удало ся, бо удавши ся на пѣвнѣчь, где чужі народы чухонскій, помѣшані съ Русинами жили, утворивъ Русь залѣску, шибы то Русь за лѣсами, котрі єю ътъ Руси кѣевскои дѣлили. Называла ся она такожь Русею сзвездальско-московскою, бо Москва була єи головнымъ мѣстомъ. И зъ той то Руси утворила ся нынѣшна велика держава россійска, котрою нынѣ царѣ владѣють. (Нынѣшний царѣ называе

ся Александрѣ III., которого портретъ въ сей газетѣ помѣстимъ. Нынѣ головнымъ мѣстомъ Россіи не єсть уже Москва але Петербургъ.)

Въ той самъ часѣ (т. є. въ XII. вѣку) утворила ся Русь галицка. Ростиславъ, внукъ Ярослава великого, котрый по волю Великого князя збставъ бувъ княземъ удѣльнымъ надъ краями: Перемышль, Звенигородъ и Теревовля, умеравчи лишивъ двоухъ сынѣвъ: Володаря въ Перемышли и Звенигородѣ, и Василька въ Теревовли, котрі то землѣ Великому князю припасти мали. Но оба сыны умѣли такъ мудро завладѣти ними, що остали ся власносію Ростиславичѣвъ. Бувъ то край найкрасшій на цѣлой Руси. Тутъ плыло молоко и мѣдъ, и родила ся пшениця.

Володаръ и Василько були великими мужами. Оба старали ся о пѣднесенє своихъ княжествъ, оба були християнами. Умерли въ р. 1124, и лишили по двоухъ сынѣвъ, Василько лишивъ: Григорія и Іоанна, а Володаръ: Ростислава и Володимирка, котрі зашѣли на престолахъ батькѣвъ.

Незадолго умерли: Ростиславъ, Григорій и Іоанъ, а Володимирко не пытаючи ся даже, чи суть які инші наслѣдники, чи нѣ, загорнувъ все тоті краѣ — цѣлу майже Червону Русь, выбудовавъ надъ рѣкою Днѣстромъ велике мѣсто Галичь, и зашѣвъ тутъ въ р. 1141. на золотокованѣмъ престолѣ яко першій князь галицкой Руси.

Отъ якимъ то спосо-

бомъ Русь [наша роздѣлила ся на московску и галицку!

Володимиръ Мономахъ.

(Дальше буде.)

МАЛАЯ МАМЦЯ.

(Повѣстка.)

Будя зима. Снѣгъ лежавъ по улицяхъ и огородахъ. Въ маломъ одноповерховомъ домѣ, въ теплой комнатѣ лежитъ собѣ блѣдава занимающа панѣ бездѣльно въ атласовомъ фотелю, скоро перевертаючи картки якоисъ французской книжки. У ей нѣгъ на пѣднѣжку сидитъ мале, премиле дѣвчатко, на ей головцѣ жовтѣ херувимское волосье. Отець, мужъ блѣдавой панѣ есть многотрудящимъ ся мущиною, высокимъ урядникомъ. Передъ полуднемъ працюе онъ въ своей канцеляри, и приходитъ ажъ въ пору обѣдову до дому. Пообѣдавши съ своими, занимае ся читаньемъ часописей, опѣсля иде въ казино, щобы забавитись. Передъ вечеромъ вертае еще до дому, але лишь тому, щобы ся перебрати и пѣйти на мѣсто або въ театръ и вертае пѣзно въ ноци.

Блѣдава панѣ съ дочкою всегда лишае ся сама дома, они були самѣ. Ихъ товаришами були лишь образы, которѣ зъ книжокъ повывадали, и ляльки. А тѣ ляльки сидятъ наоколо дитяти на малыхъ червоныхъ дыванахъ и стѣльчикахъ, то его товариство. Ту сидятъ: Рузя, котора всегда въ тонкой одежи одѣта есть; Кася, красна лялька съ великими шклянными очима; Михась, лялька-хлопецъ, въ кучерикахъ, и еще инши, которѣ сюда въ капелюшикахъ зъ перъ и въ шаляхъ въ гостѣ поприходили.

Блѣдава панѣ мала лишь ту одну дитину, малу Ольгу. Она занимала ся лишь житьемъ дитяти, воспитуючи его лучше, якъ яку королевску дитину. Одну паню, родомъ зъ Франци, держала она дома, учителѣ ревни и умѣтнѣ доходили, а наибѣльше причиняла ся сама мати до воспитаня доньки.

И теперъ поглядае мати то на книжку, то на доньку, усмѣхаючись до ней. Наразъ перерывае дѣвчатко свою розмову

съ ляльками, обнимае малыми руками матеръ, скрывши головку при ей грудехъ.

„Що ты хочешъ, Олю?“ Дѣвчатко не отвѣчае. „Я тебе знаю — ты щось хочешъ.“

„Хочу дома остатись.“

„Якъ-то, ты не хочешъ съ учителькою на проходъ пѣйти?“

„Не хочу, мамцю!“

„А чому нѣ?“

„Понеже мушу дивитись на тѣ бѣднѣ дѣти, которѣ мерзнуть въ своихъ лѣтнихъ одежахъ, вѣсти не мають и которѣ рувавичокъ не мають. Тогда я встыдаюсь, що —“ и знова припавъ мальчикъ до грудей малои неньки.

„Тѣ дѣти до сего вже звыкли,“ сказала мати, „и не бажають ничъ лучшого. Але то ще не такъ жалка рѣчь, гѣрше есть то, що они лишь ѣтъ бѣды школу посѣцають, щобы ся лишь трохи читати научили и лишь тѣлько писаня, щобы себе пѣдписати.“

„А я такъ богато учу ся,“ отвѣтило дѣвчатко.

Мати вже дальше не вопрошала, завинула свого ангелика въ плащъ и кожушокъ и выслала съ учителькою на свѣжій воздухъ. Повертаючи до дому, побачили они въ сѣнехъ дѣти бѣдного шевця, которыхъ лица були ѣтъ зимна порумяненѣ. Заразъ обступили они ту панну маленьку.

„Ось вамъ колачики, сказала дѣвчинка, щобысьте не були голодными.“

„О! якъ тобѣ добре, Олю,“ сказала дитина шевця, „ты маешъ добрый кожушокъ, ты не можешъ змерзнути.“

„И до того добри колачи,“ додала друга дѣвчина.

Хлопецъ, кнобрный мальчикъ, заледве о рѣкъ старшѣ ѣтъ малои враса-

вицѣ, стоявъ на боцѣ, завѣсивши руки на шию.

„То еще зъ того, що маю, не найлучше, ѳтперла Оля, але учу ся всего, о земли, котра округлиста есть и пять частей свѣта мае; о звѣрятахъ, рослинахъ, звѣздахъ и чужихъ краяхъ, и що въ давныхъ часахъ бывало, а сумно менѣ, що вы того учитись не можете.“

„Правду кажешь,“ отозвавъ ся наразъ хлопецъ, а очи заблесли ему дивно. „То бѣда — все прочое ничимъ.“

„Хотѣвъ бы ты учить ся, Мундку?“ спросила Оля съ натискомъ. Едмондъ рушивъ лишь раменами.

„Мы такожь! мы такожь!“ закричали дѣвчата.

„Учителей дати вамъ не есмъ въ состоянїю,“ отвѣтила Оля, „на тое треба богато грошей, а я ихъ не маю, а коли ихъ мати буду, будете вы вже великими, а тогды всему за пѳзно. Але я пѳднимаю ся васъ сама всего учить.“

„Чи ты на правду тое зробити хочешъ?“ спросивъ хлопецъ, влѣпивши на дѣвчинку очи.

„Моя мамця добра и на се позволить. Але якъ васъ буду учить, то мусите менѣ повиноватись, тихо заховатись, и пильными бути. Пристаєте на тое?“

„Пристаемъ!“ загомѣбли бѣднїи дѣвчата.

„Едмондъ, чи будешъ и ты мене слухати?“ спросила Оля.

„Буду,“ отвѣтивъ хлопецъ спустивши очи въ дѳль.

Оля побѣгла до матери на гору, и предложила ей дѣло въ цѣлой буйности. Блѣдава панѣ позволила на сей предлогъ, наука розпочала ся. Тїи чужїи дѣти приходили що вечера въ ихъ найлучшихъ одеждахъ, о той самой годинѣ, съ сошитами до писаня, съ перами, а жовтаво кучерява головка удѣляла имъ якъ якїй старый учитель научу. Маленька линїя не выходила ей зъ рукъ, чтобы за кождымъ разомъ, коли Едмондъ котору зъ сестрѣ ущищувъ або ударивъ, добре по паль-

цяхъ ударити. Сейчасъ звычайно хлопецъ почервонѣвъ, але не казавъ и слова. Зъ ушанованя не кликали дѣти Олю инакше якъ тѳлько „Мамцею.“ Насампередъ научили ся они докладно читати и писати. Потѳмъ принесла Оля глобусъ и картины, оповѣдала имъ о Александрѣ, Юлію Цезарѣ, а они собѣ запамятовували. Що ся касаєть того, що найбѳльше фянтазію хлопчика занимало, то можъ сказати, що найбѳльше вѣдомости о мореплавателяхъ и ѳткрытїю земель, то есть вѣдомости о чужихъ краяхъ и частехъ свѣта. Тому пожичила ему маленька мамця книжки о Колюмбѣ и Кортцу, Пѣчарѣ и Робинзонѣ. И чимъ бѳльше возраставъ, тымъ сильнѣйшее было въ немъ желанье за тымъ мрачнымъ свѣтомъ, который въ его фантазіи возбуждалъ ся. Маленька мама незадолго была принуждена, своихъ упрямыхъ школярѣвъ острѣйше тримати, але сама она росла споро, а ей очко почало бѳльшу силу мати, якъ линїя. Одного дня написавъ хлопчина до своего вуйка въ Львовѣ, и нынѣ надѣйшла ѳтповѣдь, чтобы ѳнъ тамъ приѣхавъ. Вуйко бувъ купцемъ.

„Поѣду впередъ до Львова,“ сказавъ Едмондъ, „а опѳсля до Вѣдня, а въ конецъ до Америки.“ То була тверда установка у него.

Тяжко было имъ прашатись съ собою. Дѣвчатко плакало а Едмондъ плакавъ такожь. Постава была нынѣ у него славна: маленька котомка на плечехъ, и лѣска въ желѣзной оковѣ. На конецъ, имивши малїи рученята дѣвчины, поцѣловавъ ея сердечно. Оля спекла рачки, але вже его не укарала, противно зѣйшла съ нимъ сходами, вздовшь улицѣ и ажъ на рѳгъ.

„Я поверну зъ Америки,“ сказавъ хлопецъ.

„Богъ съ тобою.“

„И съ тобою.“ Тай розстались. —

Два лѣта прошли, Едмондъ писавъ часами. Наразъ не стало листѳвъ. Опѳсля дѣйшовъ одинъ зъ Америки, а потѳмъ не было жадного.

За той часъ Оля розвидасъ на пре-

красну дѣвицю; красота, духъ, образованье отачали ея потройнымъ вѣнцемъ сѣяня, але надѣйшло и горе, клопѣтъ. Отець умеръ, маетокъ матери пошовъ за его розрывками. Такъ лишили ся тѣи двѣ знатнѣи панѣ самѣи на свѣтѣ, побираючи малу лишъ пенсію зъ касы. Але Оля була оборотна, наняла собѣ мале помешканье, зарядила свое домостроительство якъ найощаднѣйше, а сама почала грошѣ заробляти, гафтованьемъ, шитьемъ, робленьемъ суконь; она и того училася. Ходила такожь за грошѣ учити.

Але надѣйшовъ еще гѣршій часъ. Одного дня лежала уже блѣдава панѣ на катафалку. Теперъ ажъ наступила бѣда и клопѣтъ на добру дѣвчину, але она имъ твердо опирала ся якъ бы покусѣ, котора на ей красоту сѣти заставляла. Сидѣла въ своей низькой комнатѣ, шюючи при малѣмъ столику, канарокъ золотоперистый надъ ѡкномъ приспѣвовавъ ей найсолодшій

пѣсни, маленькая китичка зъ розеды отачала ея вонею, а она спѣвала собѣ при роботѣ и лишъ тогды, коли на неньку або отця собѣ згадала, залялись ей очка слезами. А часомъ пригадала собѣ и на Едмонда за океаномъ.

Чи есть ѡнъ ще тамъ?

И днесъ стоявъ его образъ выразно яко сильный, молодой и свѣжый въ ей душѣ, полежила на нуту роботу и перестала спѣвати. Въ тѣмъ ѡтчинивъ ктось дверѣ, а великій мущина съ трохи спаленымъ лицемъ и гарными любими очима вступивъ до комнаты не говорячи и слова, но отворивши руки розплакавъ ся.

А она закричала и вергла ся ему въ объятія.

„Приходжу,“ сказавъ Едмондъ, „якъ я прирекъ при прощаню, але лишъ по тебе. Мѣи маетокъ значный тамъ за моремъ. Хочу, щобы ѡнъ бувъ такожь и твоимъ“....

С. М.

Т О Я .

Выйдете въ огородъ або въ поле, або въ лѣсъ, всюда росте якась зѣлье, а кожде мае иншій цвѣтъ, иншій запахъ, иншій оwoць, ба и пожитокъ зъ нихъ веѣлякій, а часто и найнепоказнѣйша рослинка есть лѣкарствомъ на многѣи слабости, противно же красна съ пречуднымъ цвѣтомъ есть великою трутиною. До тыхъ послѣднихъ належитъ вчасне То я, которой образокъ тутъ помѣщаемъ. Вы ею бачили, дѣтвоньки, въ огородахъ, где ею для оздобы плекають, а росте она и дико у насъ въ Карпатахъ по тѣнистыхъ мѣстцяхъ; тѣнь есть ей найулюбленѣйше мѣсце.

Родина рослинъ То я ми прозваныхъ ѡтличае ся дивною будовою цвѣту. И такъ мають веѣ То ѣ чашу барвну, пятьдѣлочну, съ горѣшнимъ дѣльцемъ шолковатымъ, а корону менше въ око впадаючу о пяти платкахъ, зъ которыхъ два горѣшнѣи суть довгочереноваты, шапочковаты, а три прочѣ дрѣбнѣи, лусковаты; найчастѣйше мають тѣи зела корнякъ тревалый, буль-

висто-згрубѣлый; лиетье долоньсте 5 и 7 або многодѣльне, якъ нарѣдъ каже: лабате; цвѣты хорошѣи великѣи, снѣи, у некоторыхъ червонявѣи, бѣлѣи а даже жовтѣи.

То я лабуштанъ (*Aconitum napellus*, blauer Sturmhut, wahrer Eisenhut, tojad mordownik, zły mniszek) такожь лабачій (ѡтъ лабатого листа) або пригрѣдъ названий, цвите темно-синимъ цвѣтомъ въ липни и серзни. Плекають его такожь въ огородахъ, где удае ся часами съ цвѣтомъ бѣлымъ. Бадилье есть 1 до 1½ метра високе.

То я тоядъ (*Aconitum Stoeckeanum*, piekielne ziele,) такожь синецвѣта прозвана, уважана ѡтъ гдекоторыхъ лишъ за ѡтмѣну лабуштана.

То я вовча (*Aconitum lycostonum*, Wolfs-Eisenhut, wilczy jad) ѡтзначае ся цвѣтомъ ясно-жовтымъ, часомъ блѣдороджевымъ; росте такожь въ гѣрскихъ лѣсахъ.

Въ огородахъ у насъ часто плекають тѣи

и другі роды Тоѣ для хорошихъ цвѣтѣвъ, которіе невластиво зовуть черевичками (хиба що цвѣтъ подобный есть до черевичка) або кониками (хиба що въ цвѣтѣ въ середнѣи находятъ ся прутики до коника подобный.) Въ однакожь Тоѣ, а именно синецвѣтній, суть сильно ѣдовитіи, наибольше ѣдкимъ есть корѣнь; трутина та есть тымъ сильнѣйша, чимъ ббльше рослина росте въ тѣни. Дѣланье трѣйне (ѣдовите) тыхъ зель походитъ отъ такъ званой тоины (аконитины, aconitum) и другого вещества, мало еще выслѣдженого, яке выступаетъ въ ростинѣ въ часъ, коли цвѣте. Аконитика (тоина) въ хеміи зачислена до альколоидѣвъ (alkoloid); есть то твориво бѣле, безъ запаху, терпкого смаку, розпускае ся лишь въ алкоголью и егерѣ; мае власнѣсть розширювана зрѣниці; въ ббольшой мѣрѣ приводитъ заворотъ головы, сильнѣи корчѣ а даже и смерть. Сокъ, якій зъ кореня або лѣстя выступаетъ, коли подусимъ, есть мѣцнѣи, пекучіи, отъ чого уже и языкъ пухне, коли ся рослину ту гризе, а забарвленье тѣла тымъ сокомъ творитъ червонявіи плямы. Въ гдекоторыхъ сторонахъ заправляюъ коренемъ мясо, призначене до троеня волкѣвъ, лисѣвъ, котѣвъ, щурѣвъ и мышей, а вываръ (юшка) зъ корѣня або лѣстя до вищена домового хробацтва (плюгавства) якъ : швабѣвъ, свиршкѣвъ, блощицъ, блохъ и рѣжного рода пархѣвъ у звѣрять домашнихъ.

Одтроями т. е. середниками противъ затроеного аконитиноу суть : оцетъ, сокъ цитриновый и синьна чорна кава.

Въ гѣрекихъ околицяхъ чмелѣ земнѣи часто збирають мѣдъ зъ цвѣтѣвъ Тоѣ, а той спожитый може навести хробу. Въ Швайцаріи одинъ пастухъ наѣвшисъ меду чмелиного приплативъ житьемъ. Часомъ и маліи несвѣдоміи

дѣти зрывають цвѣты Тоѣ, щобы выссати зъ нихъ солодкѣи сокъ, который есть такожь шкодливымъ. Наложитъ отже выстерѣгатисъ тон рослины, котора впрочемъ кромѣ красного цвѣту не посѣдае чрезвычайного запаху, и въ городахъ не плекати еи, особливо тамъ, где суть маліи дѣти; а коли уже конче для оздобы огороду плекаеть ся, то обучати дѣтей о наслѣдкахъ шкодливости еи.

Тоя, хотяи есть утрѣйне зѣлье, може однакожь отвѣтно ужита, становитисъ доводнымъ лѣкомъ. Такъ уживають молодого лѣстя Тоѣ, добре высушеного и розтертого (folia et herba aconiti papelli) въ гѣстцю, ломачѣвъ, порушеницѣвъ, въ недугахъ легковыхъ, въ хробахъ артретычныхъ (запалѣныхъ суставѣвъ), въ болю зубѣвъ и др., именно въ гомеопатіи мае Aconitum важне значенье. Ббльше ще уживанѣи есть екстрактъ Тоѣ (extractum et tinctura aconiti) а именно зъ корѣня свѣжого, которого бере ся $\frac{1}{6}$ грана

2—5 разы денно стопнево до $\frac{1}{2}$ грана въ порошокахъ, цигулкахъ або и розчинѣ до вищного натирания въ сильныхъ нервовыхъ болѣзняхъ такъ званыхъ реуматизмахъ и гихтахъ. Въ лѣкарствѣ Гуцулѣвъ Тоя разомъ съ Одоляномъ (Valeriana officinalis), о которой пбзвѣйше поговоримъ, часто уживае ся въ рѣжныхъ недугахъ людей и худобы — а тому и каже Гуцуль :

Кобы не тоя тай не одолянтъ,
Тобы ходила хроба якъ панъ.

II.

(Оповѣданье о бузьякахъ слѣдуетъ въ слѣдующѣмъ числѣ съ помѣщеньемъ иллюстраціи)

Домові забавы дѣтей.

(Списавъ Дмитро Вѣнцковскій.)

III. Загадки.

„Щожь сегодня будемо робити?“ сказали дѣти дня слѣдующого; „треба бы щось нового вынайти!“

„Укладаймо загадки,“ сказала Маринця.

„Добре, добре, укладаймо!“

„Я вамъ першій завдамъ загадку,“ сказавъ Влодко, думный, що бнѣ вже чимсь може повеличати ся и такожь числити ся до товариства. „Агу, згадайте, що то таке:

„Изъ верха лѣй, въ серединѣ нитка,

А засвѣтите, то буде ся видко?“

Михась, небачный на легкость загадки, отповѣвъ поважно: „То свѣчка!“

Зося засмѣялася въ голось.

„Певне тобѣ кто допомогъ отгадати,“ додавъ жартоблавыи Ивась.

„Алежь я першій разъ чую ту загадку,“ усправедливлявъ ся Михась, не домѣрко кучи ся даже, якъ они собѣ зъ него жартуютъ, и що разъ лекшій загадки ему ставляють.

Тогда сказала Маринця: „А знете вы пріятеля, котрый хотъ холодный, веру чый якъ камѣнь, хотъ опущеный веѣми въ дни щастливый, при першой нагодѣ готовъ насъ пріяти, огрѣти при своемъ сердци, потѣшити, розвеселити и николи насъ не опускае за нашу невдячность?“

„О зрадилась ся, сестричко,“ сказавъ Ивась; „вже я хотѣвъ, Богъ знае куды за тымъ пріятелемъ глядати, а то вижу: печь!“

„А знаете то красне сотворѣнье, убрание въ одежь зелену, съ лицомъ гладкимъ якъ аксамитъ и румянымъ, а сердцемъ твердымъ мовъ камѣннымъ?“

Таку загадку завдала Зося и тѣшила ся дуже, що ажъ по вѣльвохъ попыткахъ удало ся отгадати, що то: черешня-ягода.

„Що то буде, запытавъ Ивась, що не мае ани формы, ани голосу, ани смаку, ани барвы, а безъ него жадне жюоче сотворѣнье истнувати не могло бы?“

Вода! сказала Зося.

Вѣздухъ! додала Маринця.

„Згадалисьте, бо одно и друге може бути и танъ умисне тое укладавъ я, щобы васъ тымъ довше держати въ непевности.“

Подано чай. Маринця встала, щобы помочи матери при роздаваню шелянокъ, бо то було ей обовязкомъ. Знала она уже пріятый порядокъ и не ошибала ся въ немъ. Мати заставляла ею уже до того, а то додавало ей въ очахъ молодой рѣднѣ лишь бѣльшой поваги.

На томъ кончили ся загадки, но все черезъ нихъ цѣль осягнена. Умысль дѣтинный ожививъ ся, малы робѣтники убавились, а прійде часъ, що они зновъ отжюють, повторять ся, перенесуть ся зъ усть до усть, и скоротять и упріемвять довгий, понурій, осѣвный або зимовый вечеръ.

Загадки:

I.

Въ лѣсъ ся родило,
Въ мѣсть ся робило,
А на село прійшло,
Бабами трясло.

II.

Ходять по поли
По два соколы,
Звязанъ за шюю,
Хвостомъ землю рыють.

III.

Сѣрый качуръ бѣгае по млацѣ,
Пѣснь одну все спѣвае,
Але вно въ лѣтъ, бо въ осени въ чужѣ
Краѣ отлѣгае.

Значенье загадокъ зъ ч. 4. и 5.

I. Паперъ. — II. Жаба и бузько — III. Коліска!

Значенье шарадъ зъ ч. 4. и 5.

I. Поляця. — II. Фердинандъ Благий — панщина.

Получити у насъ можна три рочники лит.-науко-
вои газеты „ВЕСНА.“ Цѣна одного рочника 2 зар.